

ПРИГОРОДЫ Цхинвали, столицы автономной Югоосетинской области, да и сам город утопают в ялловенных садах. Я без труда нашла улицу и дом, где девочкой жила до войны... ничего вроде не изменилось. Но буквально через два квартала — новый, не известный мне город, а еще дальше — этакже новостроек... Это был первый контраст, с которым я встретилась.

Рядом со старой гостиницей находится Югоосетинский драмтеатр имени Косты Хетагурова. Он родился в конце прошлого века на стыке нескольких культур — русской, грузинской, осетинской. Примечательно, что одной из первых пьес поставленных любительским коллективом, созданным в Тифлисе осетинскими студентами, стала «Проза» А. Островского. Здесь же увидела свет рампы и первая профессиональная осетинская пьеса «Дуна» Косты Хетагурова, написанная автором по-русски и только впоследствии переведенная на осетинский. Грузинская труппа началась с постановки «Раздела» Георгия Эристави, основоположника грузинского театра. Спектакль поставил И. Мачабели, сподвижник Котэ Марджанишвили. Так новый театр впитывал лучшие традиции двух замечательных сценических направлений — театра Островского и театра Марджанишвили, оставаясь при этом самобытным национальным коллективом.

Ныне в Цхинвали фактически два театра — осетинский и грузинская труппы, каждая из которых имеет своего главного режиссера, своего художника и, конечно же, свой репертуар. И все-таки это один театр с общей сценой, общими вспомогательными службами, общей дирекцией, а главное — с общими задачами. Цхинвальский театр — единственный профессиональный коллектив в области, если не считать танцевального ансамбля. Отсюда и репертуарный диалог — от музыкальных и детских спектаклей до классических трагедий. Однако даже в этой широте существуют всего лишь два контрастных тона — комедия и трагедия, полутонов практически нет.

Трагедия В. Ваяева «Несчастия Кубатиевых», поставленная главным режиссером осетинской труппы театра М. Мадзаевым, основана на современном осмыслении традиционной для осетинской драматургии темы ада, кровавой мести.

Весьма непростую фабульную основу можно свести к следующей схеме. Хангуасса, невеста такого же бедняка Царая, который вступая за ее честь, убивает Хаджимуссу. Хангуасса, оплакивая мужа, решает отомстить его убийце, но, узнав истинную причину кровавой

ссоры, меняет свои намерения и делает все для того, чтобы Царай и Саннат вновь были вместе. Но младший брат Кубатиева убивает Царая. В отчаянии Хангуасса кончает жизнь самоубийством.

В этой, казалось бы, жесткой по своей конструкции и традиционной трагедии постановщик находит новый, необычный и, на мой взгляд, плодотворный поворот — он прочитал пьесу как проклятие тем, кто убивает все прекрасное: прекрасна, хотя и слепая, любовь Хангуасса к мужу, прекрасна несогласованная любовь Царая и Санната, прекрасна жизнь... В спектакле много интересных актерских работ. Но предпочтению надо отдать Р. Гас-

русскую девушку. Попадая в окружение, они гибнут в бою. Перед смертью оставляют записку в пылевой гильзе. Через много лет эту гильзу нашли и передали в музей Тбилиси. Звучат со сцены слова записки, и возникают образы оставшихся вечно молодыми ребят, которые погибли, но не утратили веру в победу.

Первые впечатления от знакомства с театром, с актерами, очень музыкальными, пластичными, темпераментными, возбудимыми и достоверными во всех драматических ситуациях, когда нужно показать высший накал страстей, как-то заслонили от меня то, что зал на каждом спектакле оставался полупустым. Малень-

Мольер, Шиллер. Но в обеих труппах нет современной русской и зарубежной пьесы. Изолировавшись от богатства современной русской и мировой драматургии, театр обкрадывает самого себя. Напротив урон важной миссии воспитания зрителя. Нередко театр идет на поводу у тех зрителей, которые привыкли к определенной драматургии, не требующей у него, зрителя, сотворчества.

Возникает также не менее остро проблема актера.

У театра практически нет притока свежих сил, ведь последний выпуск югоосетинской национальной студии был в 1961 году. С тех пор прошло 15 лет. Сегодня в труппе нет актеров моложе 36 лет. Немногим лучше дело обстоит и в грузинской труппе. Как бы ни были хороши актеры среднего и старшего поколения, театр без молодежи существовать не может. А ее в театре почти нет. Молодежь ждет кто с нетерпением, кто с опаской. Через два года в грузинскую труппу придут десять выпускников Тбилисского театрального института имени Руставели. А в будущем году состоится выпуск югоосетинской национальной студии в Московском театральном училище имени Щепкина, который руководит В. Смирнов. В студии 18 человек. В осетинской труппе, так же как и в грузинской, 25 штатных единиц, и все заполнены. Так куда же придет молодое поколение? В Цхинвали точного ответа на свой вопрос я не получила. Беседовала в Москве со студийщиками-щепкинцами — они тоже не знают. Так есть ли смысл в подобных студиях или, может быть, лучше ежегодно направлять одного-двух талантливых ребят в училище с тем, чтобы процесс обновления шел естественно и гладко?

И, наконец, проблема режиссуры. Практически 24 спектакля текущего репертуара двух трупп поставлены четырьмя режиссерами. За многие годы впервые приглашен на постановку «Дон Карлоса» в осетинскую труппу ленинградский режиссер Ан. Азаревич. Спектакль получился, но самое ценное то, что в работе с незнакомым режиссером иной школы совершенно по-новому, необычно и интересно стали вдруг раскрываться актерские индивидуальности. Так, может быть, приглашение режиссеров на постановку спектаклей стоит ввести в практику?

С такими проблемами столкнулся я в Югоосетинском драмтеатре имени К. Хетагурова. Проблемы сложные. Они общие для многих небольших театров страны, но есть и свои специфические местные. Не все и не сразу они могут быть разрешены. Но главное для театра — встать на путь непрерывного творческого поиска. Для этого необходим и пересмотр репертуара, и активная забота о притоке свежих, молодых актерских и режиссерских сил.

Н. ОСИПОВА,
наш спец. корр.

ЦИХИВАЛИ — МОСКВА.

будни театральных коллективов

СЦЕНИЧЕСКИЕ КОНТРАСТЫ

снейвой — Хангуасса и Г. Таугазову — старый Бибо, отец Санната.

Если в драматургическом отношении трагедия В. Ваяева традиционна, то В. Галоев в драме «Поэма об одиноком» (постановка В. Канрова) сделал попытку отойти от канонических сюжетов. Это драма об аде — «наоборот». О том, как в канун 1905 года простой крестьянин оказался перед необходимостью либо мстить своему кровнику революционеру, либо вместе с ним пойти против общего векового врага. Это драма о прозрении, об отказе от быта, о первом сознательном шаге по пути к революции.

В спектакле грузинской труппы «Сократ» В. Кандеаки, поставленном главным режиссером У. Миндиашвили, роль Сократа исполняет Д. Гочашидзе. Его герой не просто мудр и демократичен, он дукав и гневен, непосредствен в вопреки пропалавленной сократовской логике, он беззащитен и неспасим. Он Человек. Именно здесь с наибольшей точностью выражено кредо главного режиссера — выявлять человечность в человеке. Интересен в роли Верховного судьи З. Гасиев, запоминается И. Беплиева — Бриседа. Критон в исполнении Т. Мкртчана убедителен и достоверен. Лаконичность и рациональность в оформлении (художник В. Церадзе) подчеркивает главную мысль спектакля — все бречно, кроме разума и убеждений.

Идет здесь и документальная драма М. Папашаши «Вера» («Рцмена»). Сюжет ее предельно прост: война, территория оккупированной Украины, из фашистского концлагеря бегут солдаты Советской Армии. Среди них грузины, осетины, армяны и

кий и очень уютный, он покажется вдруг огромным и холдным.

В чем же причина? На мой взгляд, их несколько. Одна из них — проблема зрителя. Несложный арифметический подсчет показывает: в месяц театр дает 25 спектаклей на стационаре. За четыре месяца — сто. Количество мест в зале 360. Значит, на ста спектаклях должно побывать 36 тысяч зрителей, что на 3 тысячи больше, чем жителей в городе. Поэтому театру нужны ежемесячные премьеры. Однако это чисто статистические рассуждения. Зритель же, как правило, ходит на интересные спектакли. И тут во всей остроте встает проблема репертуара. Выглядит афиша здесь так: из тринадцати спектаклей осетинской труппы семь трагедий, шесть комедий, середины нет. (Я сознательно объединяю трагедию и драму, потому что здесь и драма играется, как трагедия).

Несколько иначе обстоит дело в грузинской труппе. Здесь преобладает комедия: из двенадцати названий текущего репертуара их семь. Такой жанровый подбор до известной степени создает ощущение однообразия. На первый взгляд, театру можно поставить в заслугу то, что основу текущего репертуара составляют современные пьесы национальных авторов. Но при более внимательном рассмотрении очевидны просчеты в репертуарной политике театра. Так, например, в грузинской труппе все богатство мировой драматургии представлено только одним интересным спектаклем «Свои люди — сочтемся» А. Островского (режиссер У. Миндиашвили). В осетинской в этом отношении дело обстоит несколько лучше — в их репертуаре Софокл,